

Ю. В. АНДРЕЕВ

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

Уже давно было замечено, что Гомер знает только одну форму человеческого общежития, которую он сам называет «полисом»¹. Встречающиеся в поэмах термины *πόλις* и *πολιεύρον* при ближайшем рассмотрении оказываются просто синонимами *πόλις*. Среди народов и племен, фигурирующих в эпосе, полис имеет поистине универсальное распространение. Даже дикари вроде киммерийцев и лестригонов живут полисами (Od. X, 105 сл.; XI, 14). Единственное исключение составляют циклопы, каждый из которых живет сам по себе (Od. IX, 114 сл.), но для поэта это — свидетельство их ужасающей дикости. В полисах живут не только люди, но и боги, например, Эол со своими сыновьями (Od. X, 13). Обычный вопрос, с которым в «Одиссее» обращаются к чужеземцу: «Кто ты? Откуда родом? Где находится твой город (*πότι τοι πόλις*) и твои родители?» (I, 170; X, 325; XIV, 187 и т. д.). Едва ли случайно также, что в «Илиаде» поэт выбирает для изображения на щите Ахилла два города-полиса, а не две деревни (XVIII, 490 сл.). Деревня как таковая в поэмах ни разу не упоминается. Отсюда не следует, конечно, что поселения этого типа вообще были неизвестны Гомеру. Умолчание о них в эпосе может быть такой же поэтической условностью, как и сознательное избегание всяких упоминаний о железном оружии или же об употреблении в пищу рыбы. Однако уже тот факт, что поэт

¹ Meyer E. D. *Geschichte des Altertums*, Bd. 2. Stuttgart, 1893, S. 335; Hasebroek J. *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*. Tübingen, 1931, S. 28; Hoffmann W. *Die Polis bei Homer*, Festschrift Bruno Snell. München, 1956, S. 153 ff.

видит в полисе единственно достойную упоминания форму поселения, его, так сказать, идеальный тип, говорит о многом. Очевидно, полис был уже не только широко распространен в Греции и поэтому хорошо известен Гомеру, но и являлся политическим господствующим типом поселения, подчинившим себе все остальные. Повсеместно в поэмах полис изображается как главный жизненный центр общины. Здесь сосредоточены основные органы общинного самоуправления: народное собрание (агора) и совет знати (буле). Здесь живет не только царь и другие представители правящей знати, но и большая часть рядовых общинников (демоса). Не случайно пребывание в

полисе Гомер обозначает глаголом ελιθημευειν («находиться среди людей, среди народа» — см. Od. XVI, 29), а термины πόλις и δήμος нередко объединяются у него в одной общей

формуле, вроде πόλει παντι τε δήμωι, что указывает на тесную взаимосвязь обоих понятий. К этому нужно добавить, что каждый гомеровский полис, равно как и населяющий его демос, ведет вполне обособленное, независимое от других общин существование. Общины, состоящие более чем из одного полиса, встречаются в эпосе крайне редко². Такие типичные эпические полисы, как Троя, Итака, город феаков, являются вполне самостоятельными государствами.

Итак, ко времени создания «Илиады» и «Одиссеи» событие, имевшее кардинальное значение для всей греческой истории, — образование множества независимых городов-государств, полисов, стало уже совершившимся фактом. Когда и как это произошло? Когда и как возник гомеровский полис? К этому вопросу возможен двоякий подход, соответствующий двойственному содержанию, заключенному в самом понятии полиса, который, как известно, является одновременно и городом и государством. В настоящей статье мы ограничимся лишь первой из этих двух сторон вопроса и рассмотрим ранний полис, как особый тип поселения.

Использование материала гомеровских поэм для уяснения конкретных исторических фактов невозможно без одной важной оговорки. Необходимо учесть, что Гомер не был реалистом в современном понимании этого слова. При всей детальности и жизненности его описаний точное и адекватное изображение действительности не входило в задачу поэта. Знаме-

² Hoffmann W. Op. cit., S. 154.

нитая гомеровская точность, вводившая в соблазн столь многих ученых, при ближайшем рассмотрении сплошь и рядом оборачивается полнейшей неконкретностью, приближенностью, общеприложимостью³. Над единичными конкретными фактами в гомеровской поэзии более, чем в какой-нибудь другой, господствуют идеальные средние типы. Эта особенность эпической системы образов была продемонстрирована на примерах многих гомеровских реалий, особенно оружия, одежды, жилища. Аналогичную тенденцию к созданию некоего идеального типа путем сглаживания индивидуальных признаков объекта или же объединения признаков, взятых от нескольких, подчас непохожих друг на друга объектов, в одном образе можно обнаружить и в описаниях городов, встречающихся в поэмах. Все они в той или иной степени подчинены определенному стандарту, вследствие чего при чтении «Илиады» и «Одиссеи» в нашем сознании постепенно из множества рассеянных в тексте деталей, отдельных фраз, сравнений и т. д. складывается обобщенный образ идеального полиса.

Вот некоторые из его наиболее характерных признаков. Типичный гомеровский полис — невелик. На это указывает примечательная деталь: источник, из которого жители полиса (πολιται) берут воду, находится обычно за городской стеной (Il. XXII, 147 слл.; Od., VI, 292; X, 105 слл.; XVII, 205 слл.; ср. VII, 131). Идеальный полис располагается, как правило, на возвышенности. Об этом свидетельствуют выражения типа

Διον ἀιπυλοίηφρον (Il. II, 538); ἀιπεινή Γοβοεσσα (Il. II, 573);

Ἰλιος ἀιπεινή (Il. XVII, 328); πολλῶν πολιῶν κερηνα (Il. II, 117). Дома в городе стоят очень тесно, почти вплотную друг к другу⁴. В известном сравнении боя с пожаром (Il. XVII, 737 слл.) огонь, вспыхнув в одном месте, стремительно пожирает весь город, очевидно, очень плотно застроенный. Компактное расположение жилых домов диктовалось необходимостью экономии места, в свою очередь вытекающей из того, что весь полис был обнесен кольцом стен.

Среди городов, фигурирующих в эпосе, стены имеют Троя, город феаков в «Одиссее», полис, изображенный Гефестом на щите Ахилла (Il. XVIII, 514), Калидон в рассказе Феникса о гневе

³ См., например, Hainsworth J. B. Homer, Oxford, 1969, p. 1, sq. о гомеровской топографии.

⁴ Эпитет *εὐρυαγία* (девять раз применительно к Трое, по разу о Микенах и Афинах) здесь, конечно, едва ли можно принимать всерьез.

Мелеагра (II, IX, 383 сл.) πτολιεθρον τηλετύλον, в котором обитают лестригоны (Od. X, 82), Фивы Египетские (IX, 383) и Фивы Беотийские (Od. XI, 263 сл.), наконец, Тиринф и Гортина (оба города названы в «Каталоге кораблей» — II, II, 559,

646 — τειχιόεσσα; ср. ευτειχεος πόλις о Трое — II, I, 129; XVI,

57). В сценах на Итаке, в Спарте и в Пилосе стены не упоминаются ни разу, так как здесь этого не требует ни логика сюжета, ни художественная необходимость, хотя в представлении поэта эти три города едва ли существенно отличаются от всех других. Вообще же стены у Гомера являются неотъемлемой принадлежностью всякого полиса. Об этом говорит хотя бы последовательность действий основателя города феаков Навситоя (Od. VI, 4 сл.): сначала он возвел вокруг города стены, затем построил дома, соорудил святилища богов и, наконец, разделил землю на наделы. Аналогично изображается основание Фив Зетом и Амфионом (Od. XI, 263): «они заложили основание семивратных Фив и окружили их стеной (ελυρωσαν), так как не могли жить в просторных Фивах, не укрепив их (αλυρωτον), хоть и были могучи».

В этой связи интересно обратить внимание на некоторые различия в употреблении терминов αστυ и πόλις, которые практически, как было уже сказано, являются синонимами и, постоянно чередуясь в тексте, могут обозначать один и тот же город, например, Трои (ср. II, XXII, 198, 251, 464). Характерно,

однако, что αστυ чаще всего встречается там, где идет речь о событиях, происходящих внутри города, на его улицах и площадях (так, II, VI, 287: о торжественном шествии троянских женщин к храму Афины; XVIII, 493: о свадебной процессии; Od. VII, 40: об Одиссее, идущем по улицам города феаков).

αστυ — это место, где распространяются слухи о доблести героя (II, XXII, 432 сл.) и вообще любая весть. Не случайно,

вестник назван αστυβοωτης (II, XXIV, 701). С другой стороны, πόλις — это тот же самый город, но видимый как бы извне глазами врага или просто постороннего наблюдателя со всеми его укреплениями: стенами, башнями и воротами. Характерно, что

такие эпитеты, как ευτειχεος («с хорошими стенами»),

εὐκλειπής («с высокими воротами»), πυρρῶν ἀράρῳα («укрепленный башнями»), употребляются Гомером только в связи с πόλις и никогда в связи с αἶον⁵.

Оба эти аспекта гомеровского полиса наглядно представлены в известном изображении двух городов на щите Ахилла (II, XVIII, 490 слл.). В сущности это — один и тот же город, но воспринимаемый под двумя разными углами зрения: изнутри — в сценах мирной жизни (не случайно здесь снова употреблен термин αἶον) и извне — в сцене осады. Важно подчеркнуть, что как в том, так и в другом случае речь идет именно о городе, а не о цитадели или временном убежище⁶.

Люди (ἄνθρωποι), участвующие в массовых сценах первой части этой картины (сцены свадебного шествия и суда на агоре), — это, несомненно, жители самого полиса, а не собравшиеся по случаю обитатели сельской округи. Их же мы видим затем выступающими из ворот с оружием в руках на защиту города, в то время как женщины, дети и старцы, собравшись на стенах, готовятся отразить натиск врага. Эта картина живо перекликается с целым рядом аналогичных сцен в других частях «Илиады» (см. например, VIII, 519: Гектор призывает троянских юношей и старцев нести караул на башнях вокруг города, в то время как мужчины сражаются в поле). Вообще город, изображенный на щите Ахилла, — это как бы моментальная фотография Трои, величественный образ которой лишь постепенно возникает перед нами при чтении поэмы.

Наиболее характерная определяющая черта во внешнем облике гомеровской Трои — это опоясывающее ее со всех сторон кольцо стен с воротами и башнями. Эта черта прочно зафиксирована в ряде центральных эпизодов «Илиады», принадлежащих, по всей вероятности, к ее первоначальному сю-

⁵ Отсюда не следует, однако, что первый из этих двух терминов означает укрепленную цитадель — царский бург, второй же, лишенный стен, — «лишенный город», являющийся местожительством демоса. Ср. Schuchardt S. Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen, Neue Jahrbuch f. d. Altert., XXI, 1908, S. 309 f.

⁶ Такая трактовка гомеровского полиса нередко встречается в литературе (см. например, Guiraud P. La Propriété Foncière en Grèce. P., 1893, p. 69; Kuhn E. Die Entstehung der Städte der Alten. Lpz., 1878, S. 10 f; Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter, Archacologia Homérica, Bd. II, Kap. H. Göttingen, 1968, S. 3 f. Ср. Thomas C. C. Homer and the Polis, La Parola del Passato, fasc. 106, 1966, p. 6 sq.

жётному ядру, таких, как сцена «тейхоскопии» в III песни, приступ Патрокла в XVI песни (702 слл.), преследование Гектора Ахиллом, и во многих второстепенных, а также в эпитете *εὐτείχεος* (II, I, 129; II, 113; XVI, 57 и т. д.). Пространство, обнесенное стеной, здесь, как и в других гомеровских полисах, не могло быть очень большим. Гомеровская формула *αὐτομυρα* Приамова *ανακτοῦ* (II, II, 373; IV, 18, 290; XII, 11) имеет, конечно, весьма относительное значение. Тем более нельзя принимать всерьез расчеты позднейших критиков текста, по которым выходит, что число троянцев вместе с их союзниками должно было составлять около 50 000 человек⁷.

Довольно трудно, опираясь на гомеровский текст, представить себе внутреннюю планировку Трои. Попытки разделить ее на верхний и нижний город, поместив в первом из них дома Приама и его сыновей, а также храмы богов, упоминаемые в «Илиаде», во втором же — весь остальной троянский demos, кажутся нам малоубедительными⁸. Четкое противопоставле-

ние верхнего города (*ἀκρῆ πόλις*) нижнему (*αὐτομυρα*) имеет место всего лишь в одном случае. Это известный эпизод в VI песни поэмы (286 слл.), где изображается шествие «стариков троянских» во главе с Гекубой на акрополь для того, чтобы принести там дары Афине и молить ее о спасении полиса. Однако сам троянский акрополь представлен здесь как священное место, где находятся только жилища богов и нет жилищ человеческих (по контексту ясно, что Гекуба и сопровож-

дающие ее женщины живут где-то внизу, в городе — *αὐτομυρα*) — ситуация, как мы знаем, типичная для многих греческих полисов послегомеровской эпохи. По-видимому, эта никем не заселенная цитадель и есть тот «священный Пергам», откуда наблюдает обычно за ходом сражения Аполлон и где находится его храм (IV, 508; V, 460; VII, 21; V, 446). В большинстве же случаев там, где в тексте поэмы встречается выражение

ἐν πόλει ἀκρῆς, нельзя с уверенностью сказать, что имеется в виду: обособленный от остального города царский замок или же вся Троя, взятая в целом. Так, о доме Париса сказано

⁷ См. Seymour Th. D. *Life in the Homeric Age*. N.-Y. — L., 1907. p. 555.

⁸ Schuchhardt C. *Op. cit.*, S. 309; Martin R. *Recherches sur l'Agora Grecque*. P., 1951, p. 25, 36.

(VI, 317), что он находился вблизи от домов Приама и Гектора *ἐν πόλει ἄκρῃ*. Означает ли это, что кроме этих трех домов здесь больше не было никаких других? Трудно сказать. Но в некоторых случаях *πόλις ἄκρῃ* совершенно определенно обозначает всю Трою, а не какую-то ее часть. Так, в XXII, 383 сл. Ахилл говорит, что ему хочется узнать, оставят ли троянцы *πόλις ἄκρῃ*, т. е. Трою после смерти Гектора, или же будут продолжать сражаться. *Ἄκρῃ* в данном случае можно понять только как эпитет к *πόλις*, а все выражение уподобляется здесь по смыслу формуле «высокий Илион» (*Ἴλιος αἰπεινῆ* — II, XVII, 328). В «Одиссее» в аналогичном значении употреблено слово *ἄκρόπολις* (единственный случай его употребления у Гомера). В песни Демодока о гибели Трои (Od. VIII, 494; 504)

троянцы втаскивают деревянного коня в *ἄκρόπολις* и оставляют на агоре. Этот термин, по справедливому замечанию А. фон Геркана, обозначает в данном случае обнесенный стенами город, хотя и очень небольшой, состоящий в сущности из одного акрополя⁹. Иначе говоря, *ἄκρόπολις* и собственно *πόλις* здесь практически совпадают. Это не означает, впрочем, что мы должны представлять себе Трою как цитадель или убежище, все постоянное население которого исчерпывается одной царской семьей¹⁰. Для самого поэта Троя, несомненно, была настоящим городом, в котором, помимо Приама и его потомства, живут также и другие представители правящей знати: Аитенор с его одиннадцатью сыновьями, Пантой и его дети: Полидамас, Евфорб и Геперенор, Анхиз с его сыном Энеем,

а, кроме них, еще и неразличимая масса *λαοί* или *πολίται* — троянских граждан, которые во многих сценах «Илиады» образуют как бы фон для сольных партий главных действующих лиц (например, II, II, 806; XV, 558; XXII, 429).

Взятая в целом, как город на возвышенности, окруженный мощной оборонительной стеной с башнями и воротами с царским дворцом в центральной его части, гомеровская Троя, несомненно, воплощает в себе очень древний поэтический образ, уходящий своими корнями глубоко в эпическую традицию,

⁹ A. von Gerkan, Griechische Städteanlagen. B.—Lpz., 1924, S. 11.
¹⁰ Cp. Thomas C. C. Op. cit., p. 7.

предшествующую «нашей Илиаде». Ее реальный исторический прототип следует искать, по-видимому, еще во II тыс. до н. э. Этим мы не хотим сказать, что таким прототипом следует считать одно из семи поселений, обнаруженных в недрах холма Гиссарлык во время раскопок Шлимана, Дёрпфельда и др. Не оспаривая сходство некоторых из них, особенно Трои VIIa, с тем городом, который описывается в «Илиаде»¹¹, заметим, однако, что поскольку весьма спорный вопрос о так называемой «Троянской войне» до сих пор еще нельзя считать по-настоящему решенным¹², мы не можем сказать ничего определенного и о том, каким образом информация о «настоящей Трое» могла проникнуть в гомеровскую поэзию. С другой стороны, ничто не мешает нам предположить, что реальным прообразом Трои послужило какое-либо из поселений Микенской эпохи в самой Греции. Правда, и здесь следует с самого начала исключить кандидатуры таких наиболее известных центров Микенской культуры, как Микены, Тиринф, Пилос, Орхомен, Фивы, так как во всех этих случаях мы имеем дело с дворцами-цитаделями, гомеровская же Троя, как мы уже говорили, никак не подходит под эту категорию¹³. С гораздо большим правом на эту роль могут претендовать некоторые второстепенные микенские поселения, среди которых на первом месте как по степени сохранности и изученности, так и по выразительности общего контура следует поставить городище Мальти-Дорион в Мессении¹⁴.

Городище Мальти расположено на плоской вершине холма (высота 280 м над уровнем моря). Его окружает стена с пятью воротами толщиной от 1,60 до 3,55 м (длина по периметру 420 м). На внутренней площадке городища было открыто в общей сложности 320 различных помещений. Все поселение в плане четко делится на три основные части: 1. Центральная терраса, отделенная довольно тонкой, но тщательно построенной стеной от остальной части городища. Здесь находился так называемый «дворец правителя» — комплекс из пяти помещений общей площадью 130 м² с монументальным очагом-алта-

¹¹ Cp. Bowra C. M. *Homeric Epithets for Troy*. JHS, 80, 1960; Blegen C. W. *Troy and the Trojans*. N.-Y. — Washington, 1964, p. 13 sq.

¹² Finley M. I., Caskey J. L., Kirk G. S., Page D. L. *The Trojan War*, JHS, 84, 1964. Обзор дискуссии см. у Lesky A. *Homeros*, RE, Suppl. XI (1968), S. 750 ff.

¹³ Cp. Mylonas G. E. *Mycenae and the Mycenaean Age*. Princeton, 1966, p. 11.

¹⁴ Valmin M. N. *The Swedish Messenia Expedition*. Lund, 1938.

рем в самой большой из комнат. Вплотную к «дворцу» примыкали помещения нескольких ремесленных мастерских¹⁵; 2. Дома и склады, тянущиеся в один-два ряда вдоль оборонительной стены, вплотную к ее внутренней стороне. Все постройки этой группы — очень скромны, чтобы не сказать убоги и поэтому чрезвычайно похожи друг на друга. Здесь, по всей видимости, жила большая часть обитателей поселка; 3. Три большие открытые площадки, которые могли использоваться как загоны для скота, а также для размещения окрестного населения во время войны¹⁶. Общий характер этого городища удачно определил в свое время Б. Л. Богаевский, назвав его «наиболее ярким примером родового поселения на этапе домашней общины»¹⁷. Действительно, сама планировка Мальти, ясно выраженное функциональное назначение отдельных помещений красноречиво свидетельствуют об экономической общности, объединявшей всех жителей поселка в единый родовой коллектив. Так называемый «дворец», отличающийся от хижин рядовых обитателей Мальти только своими размерами, по всей видимости, представляет собой жилище родового вождя, который как настоящий гомеровский ποιμήν λαῶν жил в окружении своего народа и своих стад.

Мальти-Дорион и другие аналогичные поселения эпохи бронзы, в том числе Муриатада в Трифилии, Асина и Дендра-Мидея в Арголиде, Идаллион на Кипре¹⁸, дают наглядное представление о том, как должен был выглядеть древнейший греческий полис¹⁹, с которого была, по всей вероятности, скопирована Троя и другие мифические города, изображаемые Гомером. Сам этот тип поселения восходит, по-видимому, к

¹⁵ Выражение «ремесленный квартал», которое употребляет, говоря об этой части городища, Т. В. Блаватская («Ахейская Греция». М., 1966, с. 42), представляется нам не совсем удачным.

¹⁶ Valmin M. Op. cit., p. 53 sq.

¹⁷ История древнего мира. Т. II. М., 1936, с. 94 (ср. Блаватская Т. В. Ук. соч., с. 116).

¹⁸ См. Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago—L., 1964, p. 182; Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966, p. 44; Frödin O. — Persson A. W. Asine. Stockholm, 1938; The Swedish Cyprus Expedition, 11. Stockholm, 1935, p. 460 sq.

¹⁹ Ср. Kirsten E. Die griechische Polis als historisch geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 43. К числу заимствованных

из ахейского диалекта относит слова πολίς и πολίτευρον у Гомера Ruijgh C. J. L'élément achéen dans la langue épique. Assen, 1957, p. 75.

среднеэлладскому периоду или, может быть, даже к еще более раннему времени (городище Мальти в описанном выше виде возникло еще в XIX—XVIII вв. до н. э. и без особых изменений продолжало существовать в микенское время)²⁰.

Не следует, однако, думать, что гомеровский образ Трои являлся в общем ионийском контексте «Илиады» каким-то анахронизмом, введенным в него просто как дань традиции наподобие знаменитого шлема из кабаньих клыков, описанного в X песни поэмы. В традиции, которую использовал Гомер, он мог заимствовать лишь зерно образа. Это зерно было им развито и обогащено за счет тех впечатлений, которые давала окружавшая поэта действительность, сама во многом еще пронизанная микенскими традициями. Укрепленные общинные поселки, называвшиеся «полисами» и в некоторых отношениях весьма сходные со средне- и позднеэлладским Мальти, продолжали существовать в Греции и ряд столетий спустя после крушения микенской культуры. Из них, по-видимому, и развились первые города-государства в собственном значении этого термина.

В качестве примера сошлемся на открытое недавно поселение Загора на острове Андрос²¹. Здесь на небольшом (площадью приблизительно в 6,2 га) плато, защищенном с трех сторон крутыми обрывами, а с четвертой (восточной) — стеной, было найдено 33 прямоугольных помещения различной величины. В южной части раскопа там, где, по предположениям археологов, должен был находиться центр поселения, обнаружен фундамент небольшого храма, стоявшего особняком среди всех других построек. Расположенный напротив жилой комплекс, напоминающий в плане букву «Н», греческие археологи, исследовавшие поселение, склонны считать царским дворцом. К этому мнению присоединяется Дрегер²², который, как нам кажется, весьма убедительно сопоставляет отдельные части по-

²⁰ Хронологически Мальти служит связующим звеном между раннеэлладскими укрепленными центрами типа Лерны в Аргониде и позднейшими микенскими цитаделями (см. Vermeule E. Op. cit., p. 31 sqq.; 116; Блаватская Т. В. Ук. соч., с. 63 сл., 123).

²¹ Καμπιτοῦλου Α. Coulton J. J. 'Ανασκαφαὶ Ζαγορᾶς Ἄνδρου. 'Αρχαιολογικὴ Ἐφημερίς, 1970, с. 154—233; Ervin M. News Letter from Greece, AJA, 72, 4, 1968, p. 381; Dreger H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. — Archaeologia Homerica, Bd. II, Kap. O. Göttingen, 1969. S. 55 f.

²² Dreger H. Op. cit., S. 130.

стройки, найденной в Загоре, с основными элементами дворца Одиссея в его описании у Гомера. Особый интерес представляет центральное квадратное в плане помещение этого комплекса. Вдоль его стен были устроены каменные скамьи, на которых, очевидно, восседали царские соотрапезники во время пиршеств, столь обычных в гомеровской поэзии. Если эта догадка в какой-то мере оправдана, то можно считать, что Загора дает нам первый и пока единственный образец сооружения дворцового типа за весь гомеровский период²³ (все поселение датируется IX—VIII вв. до н. э.). Основная часть поселка, расположенная к северу от дворца, образует конгломерат или блок жилых домов, построенных без всякой видимой системы вплотную друг к другу, так что не всегда можно с уверенностью сказать, что собой представляет данное помещение — целый дом или только его часть. Подобно Мальти Загора была поселением какой-то сравнительно небольшой группы людей, которую весьма условно можно определить как патриархально-родовую общину. Так же, как и там, дома простых общинников группируются здесь вокруг «большого дома», принадлежащего, по всей видимости, вождю, рядом с которым находится общинное святилище. Расположение всего поселка на плато, укрепленном частью самой природой, а частью человеческими руками, позволяет отнести его к той категории поселений, которая определяется в эпосе терминами *αἰλι πτολιεφρον* или *πολις ἀκρη*.

В целом во внешнем облике гомеровского полиса, если взять такой типичный его образец, как Троя, довольно трудно отделить ранние (микенские) черты от более поздних, восходящих к геометрическому периоду. Поэтому в большинстве случаев практически невозможно сколько-нибудь точно датировать описания городов, встречающиеся в поэмах. Исключение из этого правила составляет, пожалуй, всего лишь один гомеровский полис, а именно город феаков в «Одиссее». В поэме он описывается дважды: один раз устами царицы Навзикайи (VI, 262 сл.), другой раз самим поэтом так, как его видит входящий Одиссей (VII, 43 сл.). В первом случае описание города более детализировано: «Мы же придем затем в город, который окружает высокая стена (*πυργος*). С двух сто-

²³ Ср. Лейцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции М., 1963, с. 222 сл.

рон город омывает прекрасная гавань с узким проходом, (через который) качающиеся на волнах корабли отыскивают себе дорогу (в гавань). Ведь для каждого из них поставлен на берегу навес (ἐπιότιον). Там же у них и агора вокруг прекрасного святилища Посейдона, устроенная из огромных врытых в землю камней. Там же держат они и снасти своих черных кораблей: канаты и паруса и обтачивают свои весла». В VII песни та же самая картина очерчена более скупыми и беглыми штрихами: «Дивился Одиссей, видя гавани и корабли, агору героев и большие, высокие стены (τείχεα), дивные взору».

Как мы видим, панорама города в обоих случаях складывается из трех основных элементов: стен, гавани и агоры. Различие только в их последовательности²⁴. Ансамбль гавани и непосредственно с ней связанной агоры занимает во всей этой картине центральное место. Феакийская агора представляет собой довольно сложный архитектурный комплекс. В центре ее расположено святилище Посейдона (Ποσειδῆιον) — имеет оно вид храма или же просто огороженного алтаря — остается неясным. Можно поэтому сказать, что агора здесь образует часть священного участка — темена или даже прямо совпадает с ним²⁵. На агоре или рядом с ней размещены также портовые сооружения, в которых стоят корабли феаков и хранятся корабельные снасти. Из контекста трудно понять, каково было назначение находившихся здесь же больших камней. Была это просто вымостка на площади, или ограда вокруг святилища Посейдона, или же, наконец, сидения, на которых располагались граждане во время народного собрания?²⁶ Последнее предположение кажется довольно правдоподоб-

²⁴ Планировка города остается как в том, так и в другом описании неясной. В. Берар (Végarde V. Les Phéniciens et l'Odyssee. P., 1902, p. 543) думает, что стена в виде палисада с частоколом отделяла расположенный на полуострове город феаков с его двумя гаванями от основной

части острова. Но этому противоречат слова ἢν περὶ πύργος ὑψηλός (VI, 263). Мартэн (Martin R. Recherches sur l'Agora Grecque. P., 1951, p. 38), принимая в целом схему Берара, склонен, однако, считать, что агора и обе гавани феаков находились не внутри, а снаружи укреплений. Стеной был обнесен только акрополь с дворцом Алкиноя. Заметим, что в самом тексте Гомера нет никаких упоминаний об акрополе.

²⁵ Mc Donald W. A. The Political Meeting Places of the Greeks. Baltimore, p. 25. n. 41; Martin R. Op. cit., p. 39.

²⁶ Так понимает это место Р. Мартэн (ук. соч., с. 38). Ср. Mc Donald W. A. Op. cit., p. 25; Végarde V. Op. cit., p. 529.

ным, так как, помимо археологических параллелей (о которых ниже), оно находит подтверждение также и в тексте самого Гомера. Так, в начале VIII в. песни (стр. 6) снова упоминаются «гладко отесанные камни» на агоре, служащие сидениями для Одиссея и Алкиноя. В «Илиаде» (XVIII, 503 сл.) на таких же «гладко отесанных камнях», поставленных внутри «свя-

щенного круга» (ἱερωὶ ἐνὶ κνυκλώϊ), восседают старцы, творящие суд в одной из сцен, представленных на щите Ахилла. Народ, окружающий здесь старцев, по-видимому, стоит. Однако у феаков сидят все участники собрания (см. VIII, 16: «быстро наполнилась собравшимися людьми площадь и сидения»

[ἀγορὰι τε καὶ ἐδρὰι] ср. II, II, 211; Od. III, 7 сл.). Агора у феаков служит не только местом для народных сходок и богослужений, но также стадионом и орхестрой для игр и плясок молодежи, как это видно из VIII, 109 слл., выполняя, таким образом, по выражению Мартэна, «агональную» функцию наряду с политической и религиозной. В то же время в феакийских песнях «Одиссея», да и вообще у Гомера нет никаких намеков на то, что агора использовалась также, как торговая площадь²⁷. В этом отношении гомеровская агора вполне соответствует тому, что поздние греческие авторы называли «свободной агорой»²⁸. Еще одна характерная особенность феакийской агоры состоит в том, что она никак не связана с царским дворцом (дворец Алкиноя расположен где-то в стороне от нее, среди домов других горожан — см. VI, 298 ссл.; VII, 29, 46). Этим она отличается от троянской агоры, находившейся прямо перед дверьми дворца Приама.

Описание острова феаков носит, так же как и описание Трои, отчасти традиционный характер. К числу традиционных, возможно, еще микенских элементов в феакийских песнях можно отнести, например, поражающую воображение картину дворца Алкиноя в VII песни²⁹. Не исключено, что у кого-то из своих предшественников Гомер заимствовал и общую схему или эскиз приморского города, живой моделью для которого могли послужить такие поселения Микенской эпохи, как например, Филадельфия, Пилос, микенская колония на месте Милета, некоторые из городов Крита (Маллия, Палекастро).

Однако взятый как художественное целое образ города

²⁷ Mc Donald W. A. Op. cit., p. 22. Ср. Martin R. Op. cit., p. 62.

²⁸ Martin R. Op. cit., p. 281; ср. 165.

²⁹ Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. N.-Y., 1959, p. 157.

феаков в «Одиссее», несомненно, сложился в гораздо более позднее время, едва ли ранее VIII в. до н. э. Его ближайший прототип, скорее всего, следует искать в зоне ионийской колонизации, среди таких полисов, как Милет, Колофон, Эфес, Смирна и др.³⁰ Едва ли случайно, что сами феаки представлены в поэме, как мореходы-скитальцы, покинувшие свою первоначальную родину — «широкую Гиперею», где они жили в соседстве с дикими циклопами, в поисках лучших мест для поселения (VI, 4 сл.).

Если мы обратимся теперь за параллелями к известным в настоящее время поселениям геометрического периода, то в первую очередь наше внимание должна привлечь Смирна, открытая в 1949—1952 гг. англо-турецкой экспедицией под руководством Кука и Акургала³¹. Самим своим расположением на полуострове у входа в удобную, защищенную от ветра бухту Смирна поразительно напоминает город феаков³². Греческая колония возникла здесь, по крайней мере, в X в. до н. э.³³ В следующем IX столетии она была обнесена стеной из кирпича-сырца на каменном цоколе. Эта стена в дальнейшем неоднократно перестраивалась: второе оборонительное кольцо было возведено во второй половине VIII в., третье — самое мощное из всех — незадолго до разрушения города лидийцами во второй половине VII в.³⁴ Открытие городской стены Смирны, входящей к IX—VIII вв. до н. э., для многих было полнейшей неожиданностью, так как опровергало прочно утвердившееся в науке представление, согласно которому первые укрепления такого типа появились в Греции лишь в конце VI в., до этого же единственной формой фортификационных сооружений были укрепления акрополей³⁵. Дома Смирны II и III (т. е. IX—

³⁰ Уже Э. Роде (Kohde E. Psyche. I. 1903, s. 83) назвал город феаков «идеальным образом ионийской колонии».

³¹ Cook J. M. Old Smyrna, 1948—51, BSA, 53—54, 1958—59.

³² Cook J. M. Op. cit., p. 16.

³³ Из построек этого времени сохранилось лишь основание небольшой дома овальной формы из кирпича-сырца с двускатной камышовой крышей (Akurgal E. Die Kunst Anatoliens. B., 1961, S. 9).

³⁴ О стенах Смирны см. в том же номере BSA, где и указанная статья Кука (Nicholls R. V. Old Smyrna: The Iron Age fortifications, p. sqq.).

³⁵ См. Von Gerkan. Griechische Städteanlagen, S. 17 ff.; Tritschler Fr. Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis, «Klio» XXII, 1/2, 1928, S. 70. Эта теория по-настоящему не изжита и до сего времени (см. Kirsten E. Griechische Polis., S. 52; Stagg Ch. S. The Origins of Greek Civilisation N.-Y., 1961, p. 252, 340; Блаватский В. Д. Античный город. — В сб.: Античный город. М., 1963, с. 10

VIII вв. до н. э. согласно периодизации Акургала) представляют собой в высшей степени примитивные постройки из кирпича-сырца с соломенной или тростниковой крышей прямоугольной или овальной формы и очень небольшие по размерам (как правило, однокомнатные)³⁶. Судя по сохранившимся фундаментам и остаткам стен, расположение этих домов не было подчинено никакому определенному плану и этим близко напоминает беспорядочную застройку Загоры и других поселений этого периода. В целом городская застройка Смирны II и III отличается поразительным однообразием и свидетельствует о чрезвычайно низком жизненном уровне массы граждан³⁷. Никаких сооружений общественного характера, ничего похожего на царский дворец или пританей среди построек этого времени не обнаружено³⁸. Возможно, это объясняется тем, что раскопки не были доведены до конца; вся юго-западная часть поселения осталась необследованной. По этой же причине мы не можем сказать в настоящее время ничего определенного о местонахождении смирнской агоры³⁹. Таким образом, аналогия с городом феаков в данном случае хотя и возможна, однако далека еще от полноты.

Для того чтобы восполнить этот весьма важный пробел в наших попытках реконструкции внешнего облика гомеровского полиса, нам придется обратиться к совсем другой части греческого мира, к острову Криту. Именно здесь были обнаружены древнейшие в Греции образцы гражданской архитектуры, свидетельствующие о зарождении полиса не только как города, но и как государства. Примером может служить интересный архитектурный комплекс, открытый в Дреросе (Восточный Крит)⁴⁰. Его основную часть образует большая терраса (40×25 м²), занимающая седловину двойного акрополя. В юго-восточном углу террасы было обнаружено семь хорошо

³⁶ Akurgal E. Op. cit., S. 9 f. См. план раскопок, приложенный к статье Кука и Никкольза в BSA.

³⁷ Cp. Akurgal E. Op. cit., S. 11; Его же. Early period and Golden Age of Ionia, AJA, 66, 4, 1962, p. 370.

³⁸ Cp. Akurgal E. Kunst Anatoliens, S. 13. Древнейший храм был построен в Смирне лишь в VII в. после разрушившего город землетрясения (Cook, Nichols. Old Smyrna, p. 15, 124).

³⁹ Кук (Old Smyrna, p. 16) полагает, что она должна была находиться, как и у феаков, на перешейке, соединяющем город с материком. На рисунке Никкольза в том же издании (fig. 3) можно видеть площадку, наминающую агору в северо-восточном углу города, в черте стен.

⁴⁰ H. Van Effenterre, Demargne F. Recherches à Dréros, BCH, 61, 1937, p. 10—13; Renard L. Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète, L'Antiquité Classique, 36, 2, 1967, p. 580.

сохранившихся широких каменных ступеней, расположенных в виде буквы «П» и, очевидно, служивших местами для сидения (ср. камни на феакийской агоре). Несколько выше этой площадки на склоне восточной вершины акрополя был расположен храм, от которого сохранился фундамент и часть стены. Весь комплекс датируется VIII в. до н. э. По наиболее вероятному предположению терраса со ступенями была агорой Дрероса⁴¹. О том, что здесь находился политико-административный центр города, свидетельствуют вырезанные на стене храма декреты VII в. до н. э., в одном из которых впервые в греческой эпиграфике употреблен термин «полис»⁴². Позднее, хотя не установлено, когда именно, к первоначальному ансамблю, включавшему храм и террасу, было добавлено еще несколько сооружений явно общественного характера.

Среди них — здание совета и пританей с общинным очагом⁴³.

Еще один аналогичный комплекс — святилище со ступенчатой площадкой — открыт в Амнисе (северное побережье центральной части Крита)⁴⁴. Самое монументальное из всех сооружений подобного рода, принадлежащее, впрочем, к несколько более позднему времени (VII в. до н. э.), сохранилось в Лато (восточный Крит, к югу от Дрероса)⁴⁵. Агора со скамьями-ступенями и двумя массивными башнями по сторонам, открытое святилище в центре площади и возвышающееся над ней здание пританей — все это в совокупности образует внушительный ансамбль⁴⁶, символизирующий единство и силу города-государства. Недаром Лато одно время принято было называть «первым греческим полисом»⁴⁷. За пределами Крита до сих пор еще не найдено ни одного памятника, подобного агоре Дрероса или Лато⁴⁸. Однако в принципе возможность

⁴¹ Martin R. L'Agora, p. 226; Renard L. Op. cit., p. 581.

⁴² H. Van Effenterre. Inscriptions archaïques cretoises, BCH, 70, 1946, p. 590.

⁴³ Martin R. Op. cit., p. 227.

⁴⁴ Там же, с. 61.

⁴⁵ Mc Donald. The political Meeting Places, p. 32 sq.; Martin R. Op. cit., p. 227.

⁴⁶ Не все части этого ансамбля были воздвигнуты одновременно. Некоторые постройки восходят, возможно, уже к эллинистическому периоду. Однако ступенчатая площадка и святилище, образующие центральную часть всего комплекса, относятся, по всей видимости, к гораздо более раннему времени (Martin R. Op. cit., p. 229).

⁴⁷ Tritsch. Die Stadtbildungen des Altertums, S. 64.

⁴⁸ Первооткрыватели агоры Дрероса Демарнь и Ван Эффентер (Recherches à Dréros, p. 11) объясняют своеобразие ее конструкции влиянием минойской архитектурной традиции.

появления в этот же период многообразных локальных вариантов сооружений такого типа и в других частях греческого мира нельзя считать полностью исключенной. По крайней мере для ионийских полисов Малой Азии мы располагаем, помимо свидетельства Гомера, еще упоминанием о древнейшей агоре Эфеса (Athen. VIII, 361 F), центром которой было святилище Артемиды⁴⁹.

Гомеровская поэзия, конечно, далека от того, чтобы дать хотя бы приблизительное представление о многообразии форм и типов поселений, существовавших в Греции на протяжении XI—VIII в. до н. э. и известных нам пока по весьма скудным археологическим данным. Некоторые из этих форм вообще не имеют ни одной ясно выраженной эпической параллели. О существовании других можно догадаться лишь по разбросанным в тексте поэм намекам⁵⁰.

Взятый как целое, гомеровский полис представляет собой поэтическую фракцию, едва ли когда-нибудь существовавшую в действительности. В описании Трои и других легендарных городов, выведенных в поэмах, разновременные исторические напластования сливаются в единые, внутренние цельные художественные образы, почти не поддающиеся анализу.

Впрочем, то же самое можно сказать и о многих других гомеровских реалиях, например, предметах вооружения: щитах, пащырях, поножах и т. д. Объясняется это, по-видимому, но только невниманием поэта к хронологическим тонкостям в обрисовке быта его героев, но и тем, что сам этот быт не так уже сильно изменился за время, отделяющее Гомера от изображаемых им событий. Культурный разрыв между микенской эпохой и собственно гомеровским периодом, бесспорно, имел место, но все-таки был не столь значителен, как иногда

⁴⁹ Martin R. Op. cit., p. 57.

⁵⁰ Столь распространенная в архаической и классической Греции комбинация укрепленного акрополя с неукрепленным «нижним городом» у Гомера практически не встречается ни разу (ср. Schuchhardt. Hof, Burg und Stadt, S. 308; Martin R. Op. cit., p. 37). Древнейшее поселение этого типа, относящееся к VIII в. до н. э., открыто в Эмпорие на Хиосе (Boag and Miles J. Excavations in Chios, 1952—55, Greek Emporio, BSA, Suppl. VI, 1967). Поселение состояло примерно из пятидесяти домов, разбросанных по склонам холма. Его вершина, обнесенная низкой каменной стеной, была свободна от построек, за исключением двух сооружений культового или, может быть, гражданского характера. В одной из них Бордман видит храм Афины, в другой, условно обозначенной Megaron Hall, — дворец правителя, хотя эта последняя идентификация сомнительна. Свободное пространство между этими двумя постройками могло использоваться и как агора, и как священный участок.

думают. Археология показывает, что важнейшие производственные навыки, накопленные в ремесле и сельском хозяйстве микенской эпохи, не были забыты в последующий период. Так, протогеометрическая керамика, еще недавно считавшаяся одним из элементов материальной культуры пришлых дорийских племен, в свете некоторых последних исследований оказалась тесно связанной (через ряд промежуточных звеньев) с керамикой микенского времени⁵¹. Элементы микенской традиции долгое время подспудно продолжали сохраняться в греческом художественном ремесле и прикладном искусстве. В конце IX—VIII вв. до н. э. в Аттике наблюдается своеобразное возрождение этой традиции, особенно наглядное в производстве золотых и бронзовых украшений⁵².

Аналогичные процессы консервации и последующего хотя бы частичного возрождения происходили и в строительном деле. Дома микенского типа из камня или из кирпича-сырца на каменном фундаменте прямоугольные в плане (в форме Мегарона) продолжали строиться в различных районах Греции, в том числе на Крите, на Кикладских островах, в некоторых местах Балканского полуострова (Иолк, Азина) на протяжении всего «темного века» (XI—IX вв. до н. э.), а начиная с IX в. и в Малой Азии (Смирна)⁵³. Вопреки широко распространенному мнению, не была совершенно забыта и техника кладки крепостных стен, о чем свидетельствуют датирующиеся самым началом протогеометрического периода остатки стен Феста и Кносса, а также более поздняя стена Смирны⁵⁴.

К сожалению, в настоящее время нам известно лишь очень

⁵¹ Stagg Ch. G. *The Origins of Greek Civilization*. N.-Y., 1961, p. 93 sqq.; Desborough V. R. *The Mycenaean and their Successors*. Oxford, 1964, p. 238 sqq.; Bouzek, *Homerisches Griechenland*. Praha, 1969, s. 133. Schweitzer B. *Die geometrische Kunst Griechenlands*. Köln, 1969, S. 22 f.

⁵² Лепцман Я. А. Ук. соч., с. 214

⁵³ По мнению Дреупа (*Archaeologia Homerica*, Bd. 11, Kap. O, S. 82 ff.), два наиболее распространенных типа жилой постройки геометрического периода: дом апсидальной формы (Apsidhaus) и дом с антами (Antenhaus) обязаны своим происхождением «идушей издалека традиции», корни которой следует искать, может быть, еще в архитектуре средне-элладского периода. Этого нельзя сказать о другой основной разновидности жилища этой эпохи — доме овальной формы (Ovalhaus), появление которого в Греции, скорее всего, следует приписать каким-то внешним влияниям, может быть, связанным с так называемым «дорийским нашествием».

⁵⁴ Об укреплениях протогеометрического периода в Фесте и Кноссе см. Renard L. *Notes d'architecture proto-Géométrique*, p. 594; Degerup H. *Op. cit.*, s. 43. Никколз (*Old Smyrna*, p. 117) обращает внимание на сходство в конструкции стен Смирны со стенами микенских цитаделей.

немногое о поселениях, существовавших на территории Греции в период, следующий непосредственно за катастрофой, постигшей микенский мир в конце XIII в. до н. э. В некоторых районах Пелопоннеса, таких, например, как Мессения, Лакония, значительная часть Арголиды, не обнаружено почти никаких следов поселений, которые можно было бы датировать второй половиной XII, XI или X вв. Нам не кажется слишком смелой догадка, высказанная Старром⁵⁵, о том, что население этих районов на какое-то время перешло к кочевому образу жизни. Вместе с тем данные раскопок показывают, что в ряде мест на территории Эгеиды жизнь продолжалась почти непрерывно на протяжении всего этого периода. Это относится прежде всего к районам, наименее пострадавшим от вторжения северных племен, таким, как Восточная Аттика, Киклады, наконец, Крит. Некоторые из существовавших здесь микенских поселений пережили катастрофу XIII—XII вв. до н. э., другие были восстановлены после очень короткого перерыва. Примерами могут служить, помимо Афин, Гротта на Наксосе, храмовый город на острове Делос, Фест и Карфи на Крите⁵⁶. Эти факты позволяют утверждать, что микенские архитектурные и градостроительные традиции были, по крайней мере частично, унаследованы греческой культурой гомеровской эпохи. Конечно, из всего многообразия форм и типов поселений, существовавших в микенское время, уцелело лишь немногое. В ходе так называемого «дорийского завоевания» были разрушены или просто пришли в упадок и запустение дворцы-цитадели вроде Микен и Тиринфа⁵⁷. Показательно, что даже в Афинах, очевидно, избежавших общей участи большинства микенских твердынь и не подвергшихся нападению, акрополь был заброшен еще в XII в. и в дальнейшем долгое время оставалась необитае-

⁵⁵ Starr Ch. G. Op. cit., p. 80.

⁵⁶ Гротта: Desborough V. R. Op. cit., p. 149, sqq.; Дрееруп Н. Op. cit., С. 69; Делос: H. Gallet de Santerre. *Délos primitive et archaïque*. P., 1958, p. 215 sqq.; Фест: Renard L. Op. cit., p. 581 sqq.; Дрееруп Н. Op' cit., S. 41 ff; Карфи: H. W. and J. D. S. Pendlebury and Money-Coutts M. B. *Excavations in the Plain of Lasithi, III, Karhi*, BSA, 30, 1937—38; Renard L. Op. cit., p. 585 sqq.

⁵⁷ Наиболее обстоятельно этот процесс обрисован в книге Десборо «The Last Mycenaeans and Their Successors». См. также Alin P. *Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland*. Lund, 1964; Simpson R. Hope. *A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Sites*, BICS, Suppl. 16, 1965.

мым⁵⁸. Гораздо более устойчивой оказалась другая более древняя форма поселения — укрепленный родовой поселок — городище типа Мальти-Дорнона, который условно можно было бы назвать «праполисом» или «протополисом». Хотя прямую преемственность между поселениями этого типа, относящимися к микенскому времени, и более поздними удается проследить лишь в немногих случаях, их широкое распространение в Греции протогеометрического и особенно геометрического периода не подлежит сомнению и говорит само за себя (упомянутая выше Загора на Андросе — отнюдь не единственный случай такого рода)⁵⁹.

Таким образом, есть основания считать, что та же самая форма поселения, из которой в XIV—XIII вв. до н. э. выкристаллизовалась классическая микенская цитадель⁶⁰, стала впоследствии, в первые века I тыс. до н. э., исходной точкой процесса урбанизации, приведшего к образованию в VIII—VII вв. архаического полиса. Почему пути развития этой зародышевой формы полиса оказались столь различными во II и в

⁵⁸ Bronner O. A. Mycenaean Fountain on the Athenian Acropolis. *Hesperia*, VIII, 4, 1939, p. 427 sq.; Hill I. Th. *The Ancient City of Athens*. L., 1953, p. 135; Webster. *From Mycenae to Homer*, p. 141. На это правильно указал Ленцман (Ук. соч., с. 197): «В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захирение сохранившегося Тирифского дворца и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском Акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни».

⁵⁹ Отличительной чертой большинства малых поселений микенской эпохи является исключительная плотность застройки жилых кварталов, стремление разместить на минимальной территории максимум пригодных для жилья построек. Отличные примеры этой «конгломератной» или «напизывающей» застройки дают для Крита Палекастро и Гурния, для Пелопоннеса Кораку, Зигуриес, Мальти, для островов Эгиды Филакопи на Мелосе. Аналогичные принципы планировки характерны также и для древнейших поселений в Греции послемикенского времени. Примерами могут служить Гортина, Фест, Кавуси, Карфи, Врокастро на Крите, Смирна в Малой Азии, Загора и другие известные пока лишь частично поселения на островах центральной части Эгейского бассейна (см. обзор Дрепула в *Archaeologia Homerica*, Bd. II. Kap. O, S. 36 ff. и выводы S. 96).

⁶⁰ Cp. Kirsten E. *Die griechische Polis...*, S. 45: «Зона распространения полиса в I тыс. до р. х. совпадает с зоной микенского типа поселения; там, где была жива микенская традиция, развился полис также в ...политическом смысле слова». Кирстен, бесспорно, прав в своей попытке отыскать корни полиса, как типа поселения в культуре эпохи бронзы. Однако ему можно поставить в упрек недостаточно дифференцированный подход к самим микенским поселениям, неумение или нежелание увидеть разницу между дворцовым комплексом (цитаделью) и укрепленным поселком родовой общины (городищем).

I тыс. до н. э.? Нам думается, что объяснение следует искать в тех важнейших социально-экономических сдвигах в развитии греческого общества, которые были связаны с появлением и внедрением в производство железа как раз на рубеже этих двух тысячелетий. Типичная для микенской цивилизации централизованная дворцовая экономика уступает теперь место автономному хозяйству патриархальной моногамной семьи. Новый полис, возникший на развалинах микенских монархий, в плане социально-экономическом был конгломератом семейных общин (ойкосов), в плане политическом и религиозном — союзом группы родов⁶¹. В гомеровском эпосе «протополис», соответствующий элементарной форме родовой общины, очерчен достаточно ярко и выпукло (особенно в «Илиаде»). Но Гомер уже знаком и с более совершенной и, очевидно, более поздней по времени возникновению моделью полиса, приближающейся к тому, что мы привыкли называть «городом-государством» (наиболее яркий пример — город феаков). Переход от «протополиса» к полису в собственном значении этого слова произошел, таким образом, еще в хронологических рамках гомеровского периода⁶². Однако для того, чтобы понять, как это произошло, мы должны располагать гораздо более обширным материалом, нежели тот, который дают обе гомеровские поэмы и который можно было бы охватить в одной статье.

В. Г. БОРУХОВИЧ

ЕГИПЕТ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Уже сами греческие мифы, составившие, по словам Маркса, «базис и арсенал» античного искусства (что с особой силой проявилось в классической греческой трагедии), хранили в себе длительный многовековой опыт контактов их создателей с нильской долиной. Примером может служить миф о Гелиосе, огибающем небесный свод в своем золотом кубке: он принадлежит к числу древнейших греческих заимствований из египетской культуры. У Ферекида, текст которого сохранил Афи-

⁶¹ См. Glotz G. Histoire Grecque, t. I. P., 1925, p. 126.

⁶² Ср. Starr Ch. G. Op. cit., p. 124, 336 sq.; Leveque P. L'Aventure Grecque P., 1964, p. 112; Thomas C. C. Homer and the Polis, p. 5, 8—9; Hoffmann W. Die Polis bei Homer, s. 157 ff.